

хлопьевъ снѣга и вьюги, подь мертвыми лучами звѣздъ—я бѣжалъ, полный горя и тоски и только фасадъ знакомаго дома, свѣтъ въ знакомыхъ окнахъ—остановили меня и я рѣшилъ пойти туда въ царство свѣта и тепла, чтобъ отдохнуть немного, согрѣться и, подѣлившись съ обитательницей этого царства своею печалью, найти у ней облегченіе, утѣшеніе...

III.

Когда я вошелъ въ эту теплую, милую комнату и меня окружило дыханіе тепла и аромата духовъ—сразу мнѣ стало легче.

Но когда я взглянулъ на ту, къ которой я пришелъ просить утѣшенія—сердце снова сжалось и больно и грустно стало мнѣ опять.

Я видѣлъ ее, прекрасную, какъ всегда, полную того обаянія, которое даетъ истин-

Сердце просить покоя могилы...
Полонъ горя и муки мой жизненный путь,
Измѣняютъ мнѣ сердце и силы..

Счастья нѣтъ для меня... Въ мракѣ долгихъ ночей,

Словно въ душевной темницѣ живу я,
И на зовъ истомляющихъ душу страстей

Нѣтъ отвѣтнаго мнѣ поцѣлуя...
О, я жду наслажденій, безумной любви,

Той любви, что сжигаетъ, какъ пламень, большое

Но бесплоденъ огонь, запыхавшій въ крови:

Миръ угрюмъ, равнодушенъ, какъ камень.

Голосъ мой безотвѣтенъ въ пустынѣ глухой.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Мечта.

Облекись, нарядись
Въ свой нарядъ голубой,
Взоръ тревогой зажгись,
Вдохновенной мечтой.

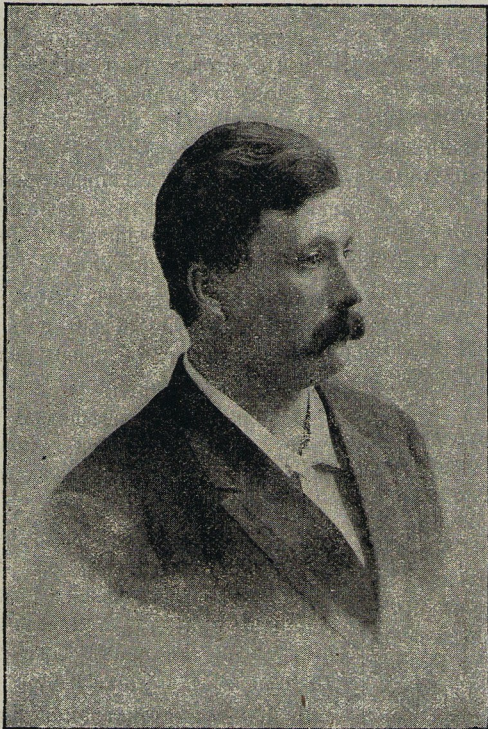
* * *

Пусть улыбка горитъ
На невинныхъ устахъ,
Объ одномъ говоритъ:
Грезахъ, дѣвичьихъ снахъ.

* * *

Пусть румяной весны
Зной коснется лавитъ

И на нихъ задрожитъ
Зыбью алой волны.

А. Н. САКСАГАНСКИЙ.

Н. Н. САДОВСКИЙ.

ная красота, но взоръ ея не былъ привѣтливъ и свѣтелъ: глубокое страданіе, безысходное горе сверкали въ немъ и мракомъ могилы вѣяло отъ нихъ.

Словно чудное, но бездушное и безжизненное произведеніе Фидіа стояла она среди окружавшей ее жизни и счастья...

Судорожно сжавъ руки, безмолвная, окаменѣвшая—она уже не была тѣмъ счастьемъ и наслажденіемъ, какою я зналъ ее раньше и къ какой ей я шелъ: это былъ блескъ надгробныхъ факеловъ, это были звуки похоронной пѣсни, это былъ остовъ прекраснаго прошлаго...

И вдругъ я услышалъ жалобный, горестный шопотъ.

„О, когда же конецъ?! Сердце жаждетъ уснуть,

Въ вихрѣ зла, въ вихрѣ лжи и об-

мана,
Только слышится смѣхъ мнѣ въ отвѣтъ роковой,

Вмѣсто пѣсенъ—лишь шорохъ тумана.
Равнодушнѣмъ холоднымъ встрѣчаютъ мой взглядъ,

Взглядъ, сулящій блаженство и ласки,
Люди сердце утѣшить, повать не хотятъ,
Люди—старья, скучныя маски.

О, когда-же конецъ этой скорби моей!..
О, когда-же дождусь я могилы!?

Муки сердца растутъ съ каждымъ часомъ сильнѣй,

Измѣняютъ послѣднія силы!

Сергѣй Плевано.

* * *

Я смотрѣть и глядѣть
Буду въ очи тебѣ
И невѣдомый свѣтъ
Загорится во мнѣ.

* * *

Этотъ свѣтъ—чудный свѣтъ:
Онъ разсѣетъ печаль
И тоску прошлыхъ лѣтъ,
Мой святой идеаль

* * *

Воскреситъ и мечтой,
Полной грезъ дорогихъ,
Я сольюсь, ангелъ мой
Со святой—святыихъ.

* * *
Гдѣ Христосъ все намъ далъ,
Въ смыслѣ нѣсколькихъ словъ...
Идеаломъ назвалъ:
Правду, миръ и любовь.

А. А. Л.

Мизуръ актрисовъ

Николай Карповичъ Садовскій (Тобилевичъ).

Своимъ успѣхомъ и необыкновенно быстрымъ развитіемъ украинскій театръ обязанъ тому счастью, ому обстоятельству, что во главѣ его сразу же стала дѣлая плеяда талантливыхъ артистовъ.

Среди этихъ корифеевъ украинской сцены одно изъ самыхъ почетныхъ мѣсть безспорно принадлежитъ Николаю Карповичу Тобилевичу, по сценѣ Садовскому. Вся исторія новѣйшаго украинскаго театра самымъ тѣснымъ, самымъ неразрывнымъ образомъ связана съ его именемъ.

Н. К-чъ родился (1856 г.) въ с. Коставатой Елисаветградскаго у.; здѣсь же, среди роскошной сельской природы, среди чудныхъ херсонскихъ степей счастливо проекло и все дѣтство его. Надо полагать, что близкая къ природѣ сельская жизнь, постоянное общеніе съ народомъ уже и въ дѣтскую головку будущаго артиста заложили тѣ сѣмена любви къ народу и ко всему родному, которыя такъ пышно расцвѣли въ послѣдующей артистической дѣятельности его.

На восьмомъ году Н. К-ча опредѣлили въ Вобринецкое уѣздное училище, гдѣ онъ и пробылъ два года. Затѣмъ его переводятъ сначала въ херсонскую гимназію, а потомъ въ Елисаветградское земское реальное училище. Не окончивъ курсъ въ этомъ училищѣ ему не удалось.

Въ это время (1876-1877 гг.) какъ разъ начиналась русско-турецкая война, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе цѣлыми массами лучшаго русскаго юношества для освобожденія страждущихъ подъ турецкимъ игомъ славянъ (вспомнимъ, для примѣра, Вс. М. Гаршина). Эта волна братскихъ чувствъ къ славянамъ подхватила и нашего юнаго тогда еще, бывшаго еще только въ шестомъ классѣ Н. К-ча; онъ бросилъ реальное училище и поступилъ вольноопредѣляющимся въ дѣйствующій 56 пѣхотный 14-й дивизіи Житомирскій полкъ, стоявшій въ то время въ Бендерахъ. Въ этомъ полку Н. К-чу пришлось прослужить всю кампанію и участвовать при переправѣ черезъ Дунай и при защитѣ Шипкинскаго перевала отъ нападенія Сулеймана. Послѣ плѣна турецкой Шипкинской арміи, Н. К-чъ, побывавши въ Константинополѣ, возвратился георгиевскимъ офицеромъ въ Россію. Послѣ кампаніи ему въ званіи офицера приходилось служить (1878-1881 гг.) опять въ Бендерахъ.

Къ этому то времени и относятся первые опыты игры на сценѣ Н. К-ча. Подобравши среди офицерскаго общества нѣсколькихъ любителей (въ томъ числѣ и извѣстную

артистку М. К. Заньковецкую), онъ началъ давать отъ времени до времени малорусскіе спектакли. Въ это время въ Бендерахъ ставились; Наталка Полтѣвка (Наталка-Заньковецкая, Петро-Садовскій). Москаль Чаривныхъ, Шельменко деньщикъ и Сватанья на Гончаривцѣ.

Прекрасная игра, чудный голосъ (баритонъ) и эффектная наружность Н. К-ча обратили на него вниманіе всего Бендерскаго общества, которое въ одинъ голосъ совѣтовало ему бросить службу и идти на сцену.

Вотъ тутъ то и началась для молодого офицера тяжелая душевная борьба: сцена тянула его къ себѣ непреодолимо, военная служба совсѣмъ не удовлетворяла его: богатая сила молодого таланта требовали себѣ выхода, искали проявленія. Между тѣмъ высокой взглядъ на роль искусства и его представителя артиста вообще и на украинскаго артиста въ частности, ясное сознаніе всей трудности, всей ответственности, какая соединялась съ званіемъ артиста молодого еще не окрѣпшаго украинскаго театра, сознаніе недостаточности своего образованія, своей теоретической неподготовленности къ высокому служенію родному искусству—все это сильно смущало молодого офицера, все это мучило его и не позволяло ему рѣшиться идти туда, куда давно уже звалъ его голосъ несомнѣннаго таланта. Эта внутренняя тяжелая борьба сдѣлала для Н. К-ча прямо невыносимую военную службу: въ 1881 г. онъ оставляетъ службу и выходитъ въ запасъ. Измученный переживаемымъ нравственнымъ кризисомъ, онъ спѣшитъ на родину, отправляется въ с. Надеждовку, гдѣ жилъ въ это время его отецъ и старшій братъ Иванъ Карповичъ (по сценѣ Карпенко-Карый).

Здѣсь счастливый случай выводитъ Н. К-ча изъ тяжелаго положенія, помогаетъ ему разрѣшить трудную коллизію. Случайно отправившись въ Кременчугъ на охоту къ М. Л. Кропивницкому. Н. К-чъ по просьбѣ его и одной артистки изъ труппы Ашкаренка, въ которой служилъ и М. Л-чъ, долженъ былъ выступить въ качествѣ любителя, подъ псевдонимомъ Садовскаго въ роли Жоржа Гарана въ старинной переводной драмѣ „Серафима Ляфайль“. (1881 г. въ ноябрѣ). Въ виду выдающагося успѣха молодого артиста, Ашкаренко посѣпшилъ заключить съ нимъ контрактъ, назначивши ему по 200 руб. въ мѣсяць.

Однако, съ этимъ поступленіемъ на сцену далеко не совпало для Н. К-ча и начало душевнаго покоя и равновѣсія. Н. К-чъ не удовлетворялся своею ролью: ему хотѣлось служить своему родному украинскому театру—это служеніе онъ поставилъ завѣтною цѣлью всей своей жизни.

Въ томъ-же 1881 г., подъ вліяніемъ Н. К-ча и М. Л-ча Кропивницкаго, Ашкаренко по телеграфу испросилъ у мин. вн. дѣлъ разрѣшенія дѣть рядъ украинскихъ спектаклей. Такъ давно желанное разрѣшеніе (по телеграфу-же) было получено. Тутъ ужъ Н. К-чъ съ Кропивницкимъ энергично взялись за составленіе новой труппы, которая могла бы играть украинскія пьесы. Рядъ спектаклей въ Кременчугѣ, Харьковѣ и Кіевѣ (въ театрѣ Берговые, по вызову кіевскаго антрепренера Иваненка), помимо необыкновеннаго артистическаго успѣха, въ значительной степени по-

правили и матеріальныя дѣла труппы Ашкаренка.

Въ 1882 г. Н. К-чъ и Кропивницкій составляютъ труппу Ашкаренка и набираютъ свою отдѣльную труппу. Въ это время въ ихъ труппу, которая, главнымъ образомъ, управлялась М. Л-чемъ Кропивницкимъ и носила его имя, вступили: Заньковецкая (по вызову Н. К-ча), Вѣрна (по вызову Кропивницкаго) Маркова и Свѣтловъ-Стояновъ (извѣстный оперный теноръ). Въ 1883 г. труппа (которая, кстати сказать, находилась три сезона 1883—1887 г. подъ управленіемъ М. П. Старичаго) обогатилась еще двумя выдающимися талантами,—въ составъ ея поступили два брата Н. К-ча—Иванъ и Афанасій Карповичи (Карпенко-Карый и Саксаганскій по сценѣ). Такъ постепенно составъ и дѣла труппы улучшались до 1887 г. Въ 1888 г. труппа Кропивницкаго распалась, и изъ нея образовалось три отдѣльныхъ труппы: Садовскаго, куда вошли всѣ главныя силы (Заньковецкая, Затиркевичъ, Мога, Левицкій, Загорскій и др.), Кропивницкаго и Саксаганскаго.

Десять лѣтъ послѣ этого (1888—1898 г.г.) Н. К-чъ стоялъ во главѣ образцовой труппы, слава о которой далеко разнеслась не только по Россіи, но дажѣ и за ея предѣлами. За все это время труппа Н. К-ча отличалась серьезнымъ репертуаромъ и дѣйствительно артистическимъ исполненіемъ: въ ея исполненіи всегда поражалъ удивительно строгій и стройный ансамбль.

Въ 1898 году Н. К-чъ соединился съ братомъ своимъ Афанасіемъ Карповичемъ Саксаганскимъ, гдѣ и теперь является лучшимъ украшеніемъ труппы.

Мы прослѣдили внѣшнюю, такъ сказать, сторону жизни Н. К-ча,—теперь намъ предстоитъ задача охарактеризовать его артистическую физиономію.

Н. К-чъ—вполнѣ зрѣлый талантъ,—теперь онъ находится какъ разъ на вершинѣ въ зенитѣ своей артистической славы. Для украинской сцены онъ далъ такъ много, что она не можетъ и не въ правѣ даже требовать отъ него чего нибудь большаго..

Н. К-чъ—артистъ могучаго темперамента прежде всего,—онъ обладаетъ въ сильной степени способностью захватить слушателей до самозабвенія, покорить ихъ себѣ, заставить ихъ забыть, что они въ театрѣ, что передъ ними не дѣйствительная, не реальная жизнь, а только сцена.

Н. К-чъ въ полномъ смыслѣ слова властвуетъ надъ своими слушателями и зрителями,—онъ нерѣдко помимо ихъ воли располагаетъ ихъ мыслями и чувствами.

Особенность таланта Н. К-ча заключается въ томъ, что онъ въ каждой роли прежде всего даетъ общій типъ. Въ его артистическихъ созданіяхъ, если иногда и не достаетъ детальной, филигранной разработки, то всегда поражаетъ удивительная цѣлостность и законченность общаго типа,—онъ прежде всего обращаетъ вниманіе на общія, типическія черты каждой роли,—онъ синтетическій талантъ по-преимуществу, если можно такъ выразиться.

Н. К-чъ—артистъ на сильно драматическія роли, главнымъ образомъ,—въ этихъ роляхъ онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ.

Тутъ вспоминается цѣлая вереница созданных Н. К.—чемъ сценическихъ типовъ. Вотъ передъ нами славный гетьманъ Мазепа, всѣ силы своихъ великихъ дарованій отдающій на служеніе родной странѣ, мечтающій путемъ разнообразныхъ реформъ и просвѣщенія благоустроить ее. Велика заслуга Н. К.—ча, который, на основаніи самыхъ незначительныхъ авторскихъ намековъ на положительныя свойства натуры Мазепы, создалъ на сценѣ не утрированного Мазепу—„старца, въ возняхъ посѣдѣвшаго“, а дѣйствительнаго, историческаго Мазепу.—Въ тѣхъ передъ нами, какъ живой, встаетъ изъ историческаго прошлаго и другой славный герой украинны—Богданъ Хмельницкій. Сколько величія, сколько чисто эпической мощи и исторической правды въ этомъ Богданѣ! Какъ рельефно характеризуется передъ нами въ художественной интерпретаціи Н. К.—ча та душевная драма, какую пришлось пережить Богдану, стараясь покорить голосъ страсти голосу долга!..

За этими историческими типами слѣдуютъ столь же художественно очерченные типы полусторическихъ героевъ: Степанъ (Невольникъ—М. Л. Кропивницкаго) и запорожець Тарасъ (Бондаривна—Карпенко-Караго). Особенно удается Н. К.—чу роль запорожца Тараса въ Бондаривнѣ. Страшно и какъ то больно наблюдать постоянныя смѣны приступовъ гнѣва и отчаянія въ этой могучей натурѣ,—видѣть, какъ Тарасъ пересиливаетъ, перемагаешь овладѣвающій имъ гнѣвъ и отъ утѣры еврею, способствовавшему увозу любимой имъ дѣвушки, переходить къ страстной мольбѣ—указать мѣсто, гдѣ скрыта его невѣста! Испугъ, блѣдность и нѣмота еврея для зрителей вполне понятны!..

Однако, кажется, въ концѣ артистической дѣятельности Н. К.—ча нужно считать сильно драматическія роли бытоваго характера. Вспоминается прежде всего роль Дмитра Ковбана (Не судылось—М. П. Старицкой). Эта роль прямо создана для Н. К.—ча, въ ней онъ неподражаемъ. Поразительное впечатлѣніе производитъ въ его исполненіи сцена отчаянія и горя Дмитра послѣ того, какъ Катря (героиня пьесы), считавшаяся до сего времени невѣстою его, сознается ему, что любитъ паныча Михайла, а потому не можетъ быть его женой. И голосъ, и вся мощная фигура Садовскаго изображаютъ при этомъ такое страшное горе, такое безысходное отчаяніе, что какъ то невольно становится горько и жутко на душѣ, и ужъ заранее предчувствуешь, что дѣло не обойдется безъ страшной драмы... Любовь къ Катрѣ, страшная ненависть къ панычу выливаются въ страстную клятву отомстить Михайлу, если онъ не сумѣетъ устроить счастье любимой дѣвушки. „Алежъ, якъ винъ насміється надъ тобою, якъ потопче красу твою, кине тебе на зневогу, на горя,—то,—клянется Дмитро,—не сховається винъ видъ мене нигде: на краю свята знайду його, зо два моря винесу, зиндъ земли викопамъ... и тоді вже зъ панычемъ побалакаю!..“ Пугается отъ такой страстной рѣчи Катря („Що ты задумавъ, Дмитре“, спрашиваетъ она), и у каждого изъ публики морозъ идетъ отъ этихъ словъ и еще болѣе крѣпнеть предчувствіе неминуемой страшной развязки... Однако, довольно ужъ увлекаться чудными воспоминаніями!.. Скажу кратко, роль

Дмитра въ исполненіи Н. К.—ча—чистый сценическій шедевр!..

Не могу не отмѣтить здѣсь еще хоть нѣсколько ролей, гдѣ Садовскій выступаетъ старикомъ или человѣкомъ среднихъ лѣтъ. Какъ бы въ поэтическомъ туманѣ проходятъ передо мною поразительные по реализму чудные образы старика Лейбы (Жыдывка выхрестка—Тогобичного), Лопуха (Цыганка Аза), Захарка Лободы (Зайды—голова—Кропивницкаго) и др. Коронная роль Н. К.—ча и наиболѣе любимая имъ,—роль Панаса Бурлаки (Бурлака—Карпенка-Караго) относится къ этому же разряду. Въ этой роли Н. К.—къ даетъ поразительный по силѣ и жизненной правдѣ образъ бурлаки, честнаго борца за общественное благо,—борца, проданнаго тѣми самими односельчанами, за интересы которыхъ онъ такъ сильно ратовалъ. Особенно сильное впечатлѣніе оставляютъ послѣ себя сцены, въ которыхъ бурлака сталкивается съ мірошдомъ старшиною!..

Какъ глубоко талантливый артистъ, Н. К.—чь, впрочемъ, не ограничивается одними только сильно драматическими ролями. Много создано имъ прекрасныхъ сценическихъ образовъ и въ чисто комическомъ амплуа! Микола—бурлака (Наталка Полтавка), Шельменко деньщикъ, Москаль Чаривникъ, Матвѣй Боруля, Самрось (Дви семьи—М. Л. Кропивницкаго), Голова (Утоплева—Старицкаго-Лысенка) и др.

Будучи прекраснымъ сценическимъ артистомъ, Н. К.—чь является вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательнымъ чтецомъ. У всѣхъ, кто бывалъ на вечерахъ въ память Т. Г. Шевченко (въ Лит. арт. общ.), вѣроятно сохранилось воспоминаніе о чтеніи имъ „Посланія“.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о Н. К.—чь, какъ о режиссерѣ. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ нами Н. К.—чь прямо заявилъ, что въ труппѣ режиссеръ—тоже, что въ государствѣ власть,—что онъ требуетъ отъ всѣхъ членовъ труппы безусловнаго себѣ повиновенія на сценѣ,—что только подъ такимъ непримѣннымъ условіемъ онъ считаетъ возможнымъ надлежащій ходъ и процвѣтаніе театральнаго дѣла. Свой высокой теоретическій взглядъ на значеніе режиссера Н. К.—чь блестящимъ образомъ подтвердилъ и практически, десять лѣтъ стоя во главѣ образцовой собственной труппы, воспитавшей много талантливыхъ артистовъ (Ратмірова, Карпенко, Василенко, Позняченко и др.), и теперь раздѣляя режиссерскіе труды со своимъ братомъ Афанасіемъ Карповичемъ Саксаганскимъ.

Въ заключеніе нашей посылной оцѣнки художественно-артистической дѣятельности Н. К.—ча, считаемъ своимъ долгомъ отъ всего сердца выразить ему пожеланіе еще долго служить родному искусству, еще долго украшать родную сцену!..

В. Миронецъ.

Афанасій Карповичъ Саксаганскій.

Имя Афанасія Карповича Саксаганскаго принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ и любимыхъ украинскихъ именъ: всякій, кто хотя разъ видѣлъ этого артиста-художника хотя бы въ самой

пезначительной роли, не въ состояніи забыть его высокохудожественной игры, и украинская сцена по справедливости можетъ гордиться имъ, какъ одной изъ самыхъ выдающихся своихъ силъ.

А. К. Саксаганскій родился въ 1859 г., все въ той же высокодаровитой семьѣ Тобилевичей, которая дала украинской сценѣ гг. Карпенка-Караго и Садовскаго, старшихъ братьевъ нашего артиста.

Родина Афанасія Карповича—село Костовата Херсонской губерніи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ елисаветградскомъ реальномъ училищѣ, и уже въ то время пробовалъ свои силы, выступая въ любительскихъ спектакляхъ. Послѣ реальнаго училища А. К. перешелъ въ одесское юнкерское училище и, по окончаніи въ этомъ заведеніи курса, поступилъ въ военную службу офицеромъ. Шесть лѣтъ будущій артистъ провелъ среди мало удовлетворявшей его военной обстановки. Но вотъ наступилъ 1883 годъ; М. Л. Кропивницкій организовалъ первую специально украинскую труппу, которая съ небывалымъ успѣхомъ играла во многихъ городахъ. Въ молодомъ офицерѣ пробудилось прежнее стремленіе къ сценѣ и будущность его была рѣшена,—онъ выходитъ въ отставку съ чиномъ поручика для того, чтобы окончательно посвятить себя артистической дѣятельности. Время перваго выхода А. К. на сцену совпало съ медовымъ мѣсяцемъ украинскаго театра и было крайне счастливо для нашего артиста въ одномъ отношеніи: всѣ лучшія силы украинской сцены были соединены въ одной труппѣ и у молодого, неопытнаго еще артиста были всегда предъ глазами чудные образцы въ игрѣ Кропивницкаго, Заньковецкой, Затыркевичъ-Карпинской, Садовскаго,—что послужило для начинающаго артиста лучшей школой. Впрочемъ, первый дебютъ А. К. Саксаганскаго былъ, какъ говорятъ, не совсемъ удаченъ: молодой артистъ такъ волновался, что едва сыгралъ свою первую роль и трудно было предполагать, глядя на смѣшавшагося молодого человѣка, что въ будущемъ онъ станетъ гордостью родной сцены. Но по мѣрѣ того, какъ А. К. преодолевалъ врожденную застѣнчивость и привыкалъ къ сценѣ, талантъ его быстро развивался, и уже къ концу перваго года своего пребыванія на сценѣ онъ попалъ въ число подающихъ большія надежды артистовъ. Дальнѣйшее вполне оправдало эти надежды: талантъ А. К. развивался, росъ и крѣпкъ съ каждымъ годомъ; каждая новая роль давала ему возможность обнаружить все новыя и новыя черты своего выдающагося артистическаго таланта. Въ 1889 г. А. К. организуетъ собственную труппу, обнаруживши, кромѣ артистическаго таланта, выдающіяся режиссерскія и организаторскія способности, и управляетъ труппой самостоятельно въ продолженіи 10 лѣтъ, до 1898 года, когда къ нему присоединился и его старшій братъ Н. К. Садовскій. Въ настоящее время А. К. находится въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, но что можетъ еще дать этотъ талантъ въ будущемъ—это наглядно по-

казала на днях постановка новой пьесы «Сава Чалый». Даже по отзыву рецензента враждебно настроенной къ украинскому театру газеты—„сама страсть и увлеченіе, огонь и порывъ былъ въ талантливомъ изображеніи г. Саксаганскаго Гнатъ Голый“...

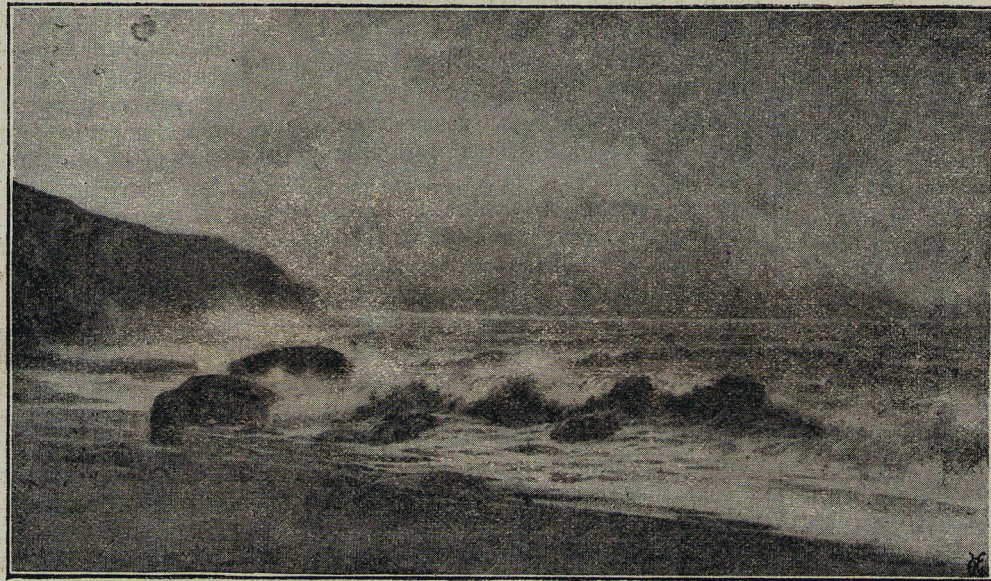
Артистъ, какимъ бы выдающимся талантомъ онъ ни обладалъ, какими бы художественными силами не располагала его душевная организація, даже самый великій артистъ—все-таки находится въ известной зависимости отъ драматурга: онъ скованъ той оболочкой, той рамкой, какую угодно было драматургу придать избранной артистомъ роли; онъ долженъ вышивать, такъ сказать, свои узоры все-

укрѣпляться и талантъ г. Саксаганскаго и можно вполне надѣяться, что въ будущемъ онъ къ длинному ряду уже созданныхъ имъ образовъ прибавитъ не одинъ еще безсмертный типъ. Данныя къ тому у А. К. на лицо.

«Природа щедро надѣлила г. Саксаганскаго всѣмъ; чего требуетъ сцена. Высокая, показная фигура, живые, выразительные глаза, звучный, чистый голосъ, которымъ онъ мастерски владѣетъ какъ въ разговорной рѣчи, такъ и въ пѣніи, подвижность и выразительность движеній и мимики, умѣнье одѣваться и гримироваться—все это придаетъ его таланту выдающуюся силу“. Но кромѣ этихъ внѣшнихъ, необходимыхъ для артиста данныхъ, онъ обладаетъ не менѣ замѣча-

подробностей образъ Гната, слабохарактернаго зеловѣка, раздваивающагося предъ любовью къ тихой Софіи и страстью къ пылкой Варькѣ и способнаго подъ вліяніемъ аффекта на необдуманный шагъ; этотъ раздвоенный человекъ до сихъ поръ живо стоитъ у насъ предъ глазами. На слѣдующій день предъ нами, вмѣсто полнаго силъ и здоровья молодого парубка, живой стоялъ—шамкающій, беззубый старикъ, добродушный болтунъ Протасій Пененжка—одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ на украинской сценѣ. Затѣмъ въ „Наймычкѣ“ г. Саксаганскій изображалъ уже совершенно непохожаго на двухъ предыдущихъ персонажей—Цокуля и дальреальный образъ пожилого сластолюбца, возросшаго на экономической и социаль-

КИЕВСКІЕ ХУДОЖНИКИ.

„ПРИБОЙ“ карт. худ. С. А. Севаст'янова.

таки по той кавѣ, какую приготовилъ драматургъ.

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что г. Саксаганскій по размѣрамъ своего таланта—артистъ мірового значенія и въ качествѣ такового создалъ бы безсмертныя роли въ міровомъ репертуарѣ, если бы, къ сожалѣнію, рамки украинской литературы не были ограничены и стѣснены условіями чисто внѣшняго свойства. Вотъ почему намъ кажется, что по мѣрѣ того, какъ содержаніе украинской драматической литературы будетъ разрастаться и углубляться (а такое постепенное улучшеніе содержанія украинской драматической литературы—фактъ несомнѣнный), то параллельно съ этимъ будетъ еще болѣе

тальными внутренними качествами. Прежде всего, это талантъ чрезвычайно широкій, разносторонній, не укладывающійся въ рамки тѣсной специализаціи и общепринятаго дѣленія; онъ—неподражаемый комикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него сильно и рельефно выходятъ и роли чисто драматическаго характера. Насъ всегда поражала именно эта разносторонность таланта г. Саксаганскаго. Помнимъ, лѣтъ пять тому назадъ, намъ впервые пришлось познакомиться съ игрой этого артиста по пьесамъ «Безталанна», «Мартынъ Боруля» и «Наймычка», которыя слѣдовали непосредственно одна за другой. Въ первой изъ этихъ пьесъ А. К. далъ законченный и психологически замѣчательно выдержанный и вѣрный до мельчайшихъ

ной почвѣ, присущей специально нашей деревнѣ. Каждая изъ этихъ ролей, такъ непохожая на другую ни по внутреннимъ, ни по внѣшнимъ качествамъ, была передана такъ просто, жизненно и ярко, что ихъ смѣло можно зачислить въ рядъ высокохудожественныхъ перловъ, по мастерскому изображенію всѣхъ деталей, по психологической разработкѣ типа. Мы бы долго не кончили, если бы вздумали подробно останавливаться на всѣхъ, созданныхъ А. К. роляхъ, на всѣхъ тѣхъ образахъ, въ которые онъ «вдохнулъ душу живу»,—каждая изъ этихъ ролей въ изображеніи нашего артиста съ той или другой стороны замѣчательна, представляя собою законченный, въ высшей степени отдѣланный до мелочей типъ.

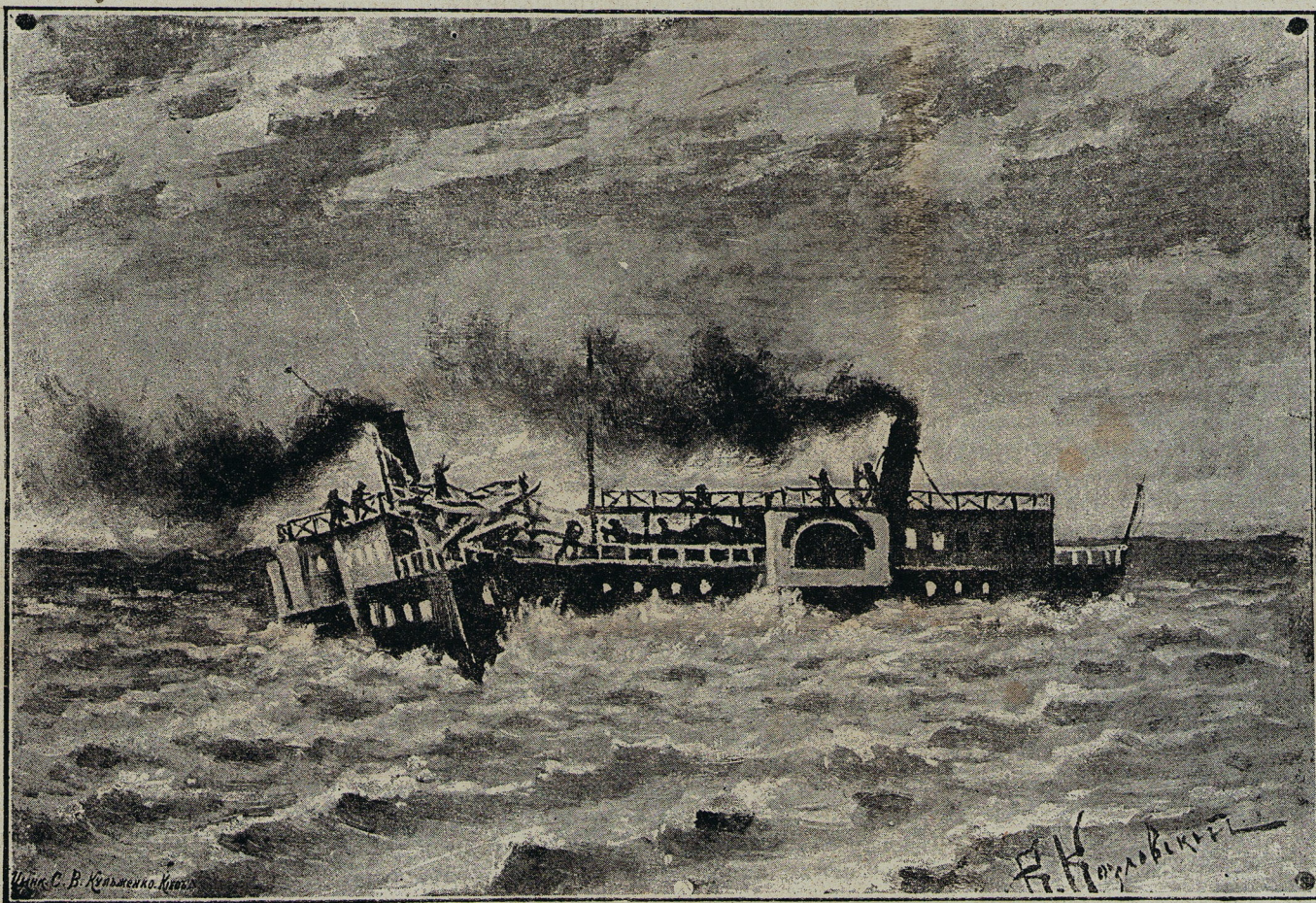
Мы ограничимся указаниём наиболее характерных особенностей его таланта, иллюстрируя их ссылками на ту или другую роль его обширнаго репертуара.

Вотъ передъ нами неутомимый искатель кладовъ—„копачъ“ Бонавентура („Сто тысячъ“) вѣчно разочаровывающійся въ своихъ поискахъ, но тѣмъ не менѣе никогда не теряющій надежды на то, что счастье ему, наконецъ улыбнется. Въ изображеніи А. К. этотъ маньякъ—если хотите, страдалецъ за идею, находящій въ тоже время въ своихъ страданіяхъ въ свое высшее наслажденіе и цѣль жизни. Отыщите у него эти нескончаемые поиски,

собствуетъ та филигранная отдѣлка каждой мелочи, каждой черточки, какую придаетъ этой фигурѣ нашъ артистъ. Въ результатѣ—живое лицо, трогательное зрителей своей жизненной правдой. Вотъ другой образъ—писарь Омелянъ Григорьевичъ („Бурлака“) хитрый пьянчужка, держащій тѣмъ не менѣе въ своихъ рукахъ сложный механизмъ „громадскихъ“ дѣлъ и отношеній; вотъ бездомный „дякъ-пыворизъ“ („Чумаки“), воскрывающій предъ нами до мельчайшихъ подробностей давно минувшее прошлое изъ жизни Украины; вотъ Харькво-Ледачій („Полывода“)—украинскій Фальстафъ;

сердце, толкающее его ради дружескихъ отношеній на самоотверженный поступокъ. Въ изображеніи Ивана Непокрытаго звучать уже трагическія нотки, и потому этотъ образъ можно считать переходнымъ къ тѣмъ, чисто драматическимъ ролямъ, которыя имѣются въ распоряженіи А. К.—ча. Передъ нами Никодымъ („Грихъ и покаяннѣ“), честный, любящій, подъ влияніемъ порыва готовый на вѣчную разлуку съ любимой женщиной. Моментъ, когда онъ застаётъ свою жену съ Францемъ, далъ бы возможность заурядному актеру блеснуть внѣшними данными, излить свою ревность и злость криками т.

КИЕВСКІЕ ХУДОЖНИКИ.

СТОЛКНОВЕНІЕ ПАРХОДОВЪ. Рис. худ. В. И. Козловскаго.

найди онъ въ самомъ дѣлѣ кладъ—онъ едва-ли сумѣетъ съ нимъ распорядиться, едва-ли онъ тогда успокоится и не будетъ ощущать гнетущаго чувства пустоты и безцѣльности жизни. Зрителя поражаетъ то прямо таки сладострастіе, съ которымъ г. Саксаганскій произноситъ свои знаменитые монологи о „копылахъ“, „камявой фигурѣ человѣка“ и т. п. примѣтахъ вождѣльнаго, но не дающагося въ руки клада. Убогій копачъ возвышается, такимъ образомъ, до значенія общечеловѣческаго типа, не теряя въ тоже время своихъ индивидуальных и національных отличій, чему спо-

вотъ выборный Макогоненко изъ безсмертной «Наталки-Полтавки», а вотъ безшабашный мастеровой, гультай и пьяница Ѳедиръ («Згуба»), въ которомъ, однако, водка не заглушила обычныхъ человѣческихъ стремленій и желаній. Безсмертный Пенѣнжка («Мартынь-Воруля») и ревниво оберегающій свою „дворанську честь“ Шпонька («Якъ ковбаса то чарка, то минеться и сварка»); безпечный острякъ и балагуръ Неплюй («Невольныкъ»); также безпечный весельчакъ—парубокъ Иванъ Непокрытый («Дай сердцу волю—заведе въ неволю»), подъ неказистою наружностью котораго бьется горячее, правдивое

и средствами. Не такъ проводить эту роль г. Саксаганскій,—фраза, обращенная къ Францу:—«може ще посидыте трохи»—произносится артистомъ обыкновеннымъ голосомъ, но съ такимъ выраженіемъ, что у зрителя буквально стынетъ кровь въ жилахъ и все его существо захватывается этой происходящей предъ нимъ драмой, безъ всякихъ внѣшнихъ эффектовъ. Далѣе—Мыронъ Серопокрыль («По-надъ Днѣпромъ»), горячій идеалистъ, который въ исполненіи всяго обыкновеннаго актера вышелъ бы безжизненной и бесцвѣтной схемой добродѣтели, у Саксаганскаго облеченъ въ плоть

и кровь, и глядя на этого Мырона, не удивляясь, что вѣра его двигаетъ горами, что въ короткое сравнительно время онъ производитъ чудеса. Вотъ также идеалистъ, но при другой исторической обстановкѣ, доблестный рыцарь Богунъ („Богданъ Хмельницкій“), готовый на все ради блага горячо любимой родины; вотъ горячо любящій родину, но узкій ограниченный фанатикъ съ чисто животной силой и бычьимъ упорствомъ—Гнать Голый („Сава Чалый“)—шедевръ въ изображеніи А. К—ча; далѣе честолюбецъ и интриганъ Юліанъ („Лыха искра поле спалыть, сама счезне“), полнѣйшая противоположность предыдущимъ, персонажамъ же задумывающійся даже путемъ преступленія отодвинуть лежащія на дорогѣ къ намѣченной цѣли препятствія. Вотъ честный и прямой Палій полковникъ („Мазепа“); вотъ Прохажій („Зимовый вечеръ“), бѣглый изъ Сибири каторжникъ, въ родной семьѣ своей встрѣчающій только страхъ и принужденный бѣжать изъ нея...

Всякое лицо изъ перечисленныхъ нами—живые люди; каждое изъ нихъ живетъ на сценѣ предъ глазами пораженного зрителя. Могучій талантъ художника-артиста въ каждомъ данномъ случаѣ сохраняетъ всѣ индивидуальныя особенности изображаемаго лица, и ни одно изъ нихъ не похоже на другое, каждое живетъ своею собственною жизнью. Въ этомъ и заключается, причина того удивительнаго секрета, какимъ въ совершенствѣ обладаетъ нашъ артистъ—покорять себѣ сердца зрителей заставляя ихъ то смѣяться хорошимъ, здоровымъ смѣхомъ, то задумываться надъ пошлостью жизни, то плакать вмѣстѣ съ нимъ, не стыдясь этихъ благородныхъ слезъ. Правда, жизнь перетворенная въ горниль оригинальнаго художественнаго таланта—этими словами исчерпывается причина секрета. Многихъ изъ указанныхъ нами ролей А. К. теперь не играетъ, передавши ихъ своему достойному замѣстителю Н. К. Садовскому и специализировавшись, главнымъ образомъ, на комическомъ амбула, но мы увѣрены, что всякій, видѣвшій А. К—ча въ этихъ роляхъ, едва ли будетъ въ состояніи забыть образы, данные нашимъ артистомъ.

Мы старались кратко, насколько позволяеть намъ мѣсто, охарактеризовать А. К—ча, какъ артиста-художника. Но характеристика его была бы не полна и односторонняя, если бы мы не упомянули и о другой сторонѣ его сценической дѣятельности, менѣе замѣтной для публики, но не менѣе почтенной и полезной; мы имѣемъ въ виду его дѣятельность, какъ режиссера и руководителя труппы. Въ 1889 г., какъ было уже упомянуто, А. К—чъ всталъ въ главѣ собственной труппы, и съ тѣхъ поръ съ рѣдкимъ умѣніемъ, выдержкой и добросовѣстностью несъ нелегкія обязанности режиссера и руководителя. Труппа А. К—ча сразу заняла выдающееся мѣсто среди лучшихъ украинскихъ труппъ и дала нѣсколько замѣтныхъ талантовъ на полѣ роднаго искусства. Если сожалѣнію, мы не можемъ подробно остановиться на этой сторонѣ дѣ-

тельности А. К—ча; скажемъ только, что и въ режиссерской дѣятельности онъ оставался тѣмъ же художникомъ и интеллигентнымъ человекомъ,—артистъ сказался и въ организаторѣ. Прекрасный репертуаръ, тщательная постановка и репетировка пьесъ—это само собой, но намъ хотѣлось бы подчеркнуть еще одну болѣе важную черту въ его дѣятельности, какъ режиссера и руководителя труппы. Въ то время, какъ другіе украинскіе режиссеры и руководители труппъ (*nomina sunt odiosa*) забываютъ, къ сожалѣнію, задачи театра какъ воспитателя общества; убиваютъ дѣло роднаго искусства, унижаясь до постановки даже „Корневильскихъ Колоколовъ“, или Гейши“, или же, наполняя свой репертуаръ чисто обстановочными пьесами съ „горилкой“, «спивамы» и „гопаками“ на скорую руку состряпанными разными Шатковскими, Маньками, Сластинными etc. и тѣмъ вызывая справедливыя нареканія со стороны болѣе требовательной части публики,—А. К—чъ держалъ знамя роднаго искусства высоко, поступаясь не рѣдко даже матеріальными выгодами, но не унижаясь до званія театральнаго предпринимателя. Каждая пьеса поставленная г. Саксаганскимъ, носить на себѣ печать опытной, интеллигентной режиссерской руки; «спивы» и «танцы» отодвигаются на второй планъ, а на первомъ всегда серьезная сторона пьесы. За эту черту дѣятельности А. К—ча, за то, что онъ заставлялъ уважать родной театръ всякій, любящій родное искусство, долженъ быть безконечно благодаренъ этому интеллигентному артисту-художнику.

Въ заключеніе мы хотѣли бы высказать нѣсколько общихъ соображеній по поводу украинскаго театра. Въ настоящее время находится, къ сожалѣнію, много еще людей, которые относятся отрицательно и къ украинскому искусству и театру, стараясь совершенно не замѣчать свѣтлыхъ его сторонъ и со злорадствомъ подчеркивая темныя. Много прямо таки вздорныхъ рѣчей приходится выслушивать по этому поводу, но полемизировать съ подобными людьми мы теперь не станемъ,—многіе изъ нихъ сами не вѣдаютъ, что творять, а другіе хотя и вѣдаютъ, и прекрасно вѣдаютъ, но... съ послѣдними еще менѣе возможны какіе нибудь принципиальные разговоры. Будущему историку придется, конечно, отмѣтить эту любопытную черту нашей общественной жизни и поискать ея причинъ... Но какъ бы ни было, въ силу извѣстныхъ причинъ, тягостно положеніе украинскаго театра; намъ приходится отмѣтить и одно крайне счастливое обстоятельство въ его исторіи: на украинской сценѣ на первыхъ же порахъ возникаютія украинскаго театра, сразу появляются таланты, возросшіе при самой, повидимому, неподходящей для развитія искры Божіей обстановкѣ, но которые тѣмъ не менѣе сразу же поставили его на надлежащую высоту и вмѣстѣ съ врагами создали ему и многочисленныхъ друзей и поклонниковъ. Вышедши въ большинствѣ случаевъ изъ народа, они и создали истинно народный театръ; они на своихъ плечахъ вынесли дѣло нашего

народнаго театра, работая иногда совершенно безкорыстно, среди самыхъ неблагоприятныхъ условій, преодолевая массу неприятностей, побѣждая рутинность и инертность публики, несочувствіе, а иногда прямо таки враждебное отношеніе. Первый шагъ—какъ извѣстно, самый трудный шагъ—сдѣлать, и сдѣлать блестяще если принять во вниманіе неблагоприятныя условія; брешь пробита. Украинскій театръ, что бы ни говорили зоиля, съ каждымъ годомъ развивается; появляются новыя пьесы, и съ внѣшней, и съ внутренней стороны превосходящія старыя; содержаніе ихъ углубляется, прежняя шаблонная постройка пьесъ замѣняется самостоятельной и оригинальной разработкой, замѣчается, словомъ, громадный шагъ впередъ, если сравнить съ еще недавнимъ прошлымъ... Когда для украинскаго искусства настанутъ лучшіе дни, люди, которые будутъ жить и дѣйствовать при этихъ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, съ благодарностью помянутъ „не злымъ, тихымъ словомъ“ нынѣшнихъ благородныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей роднаго искусства, на своихъ плечахъ блестяще вынесшихъ трудность перваго шага и создавшихъ украинскій театръ изъ ничего. Нечего и говорить, что въ первомъ ряду этихъ дѣятелей всегда будетъ отведено почетное мѣсто и Афанасію Карповичу Саксаганскому.

С. Е.—мось.

ПѢСНЯ.

Въ камышахъ прибрежныхъ лодка
Чуть колеблется волной.
Не страшись, моя красотка!
Это я плыву съ тобой.
Вижу я—румянца краски
На щекахъ твоихъ горятъ
И опущенныя глазки
И глядятъ и не глядятъ.
Грудь подъ легкой тканью бьется,
Словно волны объ утѣсь,
И къ груди стыдливо жметъся
Прядь сорвавшихся волосъ.
Ввѣрсья мнѣ, чей взоръ яснѣе
Въ очарованныхъ очахъ,
Пѣсня чья звучитъ бодрѣе
На смѣющихся устахъ.
Посмотри, какъ небо ясно!
Вечеръ тихъ, тепла лазурь.
Все въ природѣ такъ согласно.
Не страшись грозы и бурь!..
Небо, скалы,—все смѣшалось,
И волна съ волной слилась.
Сердцу сердце отозвалось,
И съ рукой рука сплелась.

А. Угеръ.